

Вѣнокъ на гробъ Пушкина.

Ода А. И. Полежаева.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ.

Ода Полежаева на смерть Пушкина—не первостепеннаго художественнаго достоинства, мѣстами въ ней слишкомъ громка и цвѣтиста фраза, но она характерна для бурно-пламеннаго поэта энергіей стиховъ, гибкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ силою слова, искренностью поэтическаго чувства и гражданской скорби, вѣрностью и широтою оцѣнки значенія Пушкина. Въ дружномъ хорѣ, которымъ отозвалась Россія 1837 года къ гибели своего величайшаго писателя, голосъ Полежаева прозвучалъ особенно замѣтно.

Но ему не суждено было раздаться во всеуслышаніе во всей своей полнотѣ. Ода Полежаева, какъ большая часть стиховъ, вызванныхъ смертью Пушкина, ходила по рукамъ въ спискахъ, но ни одинъ полный и авторитетный списокъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ. Она была, правда, напечатана, но небрежно, въ макулатурномъ сборникѣ стихотвореній Полежаева, выпущенномъ въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Часы выздоровленія“, какимъ-то темнымъ и малограмотнымъ спекулянтномъ, съ множествомъ издательскихъ ошибокъ и цензурныхъ купюръ и искаженій.

Такой свѣдущій и опытный разыскатель, какъ покойный П. А. Ефремовъ, готовя свое изданіе сочиненій Полежаева (вышло въ 1889 г.), изъ всѣхъ существующихъ самое тщательное, не могъ нигдѣ раздобыть полный и надежный текстъ оды, и далъ ее въ редакціи, которую самъ счелъ нужнымъ снабдить „такимъ предостереженіемъ: „списокъ, бывшій у насъ, оказался тоже довольно плохимъ,

такъ что мы изъ него могли взять только 2—3 поправки"... Эта редакція, безъ всякихъ измѣненій, воспроизведена въ изданіи А. И. Введенскаго (1892 г.).

Недавно г. А. Дунинымъ была случайно обнаружена въ Московскомъ губерцкомъ архивѣ старыхъ дѣлъ и представлена намъ для разработки тетрадь стихотвореній Полежаева, подъ заглавіемъ „Урна“, поступившая въ 1888 г., черезъ три мѣсяца послѣ смерти поэта, въ московскую цензуру, но ею не одобренная къ печати, задержанная въ цензурныхъ дѣлахъ и потомъ попавшая въ архивъ¹⁾. Въ „Урнѣ“ оказался между прочимъ весь текстъ „Вѣнка на гробъ Пушкина“. Описаніе содержимаго этой интересной тетради и нѣкоторыя извлеченія изъ нея мы помѣстили въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“ (1914 г., декабрь), а здѣсь сообщаемъ полный текстъ оды.

Слѣдъ его былъ такъ затерянъ, что случайно напечатанные кѣмъ-то семь стиховъ изъ оды (начинается: „И поэтическія вѣжды“...) подъ портретомъ Полежаева, появившимся вскорѣ послѣ его смерти, породили цѣлый споръ между историками литературы. Ефремовъ включилъ ихъ въ свое изданіе стихотвореній Полежаева подъ заглавіемъ „На смерть Пушкина“, не объясняя, почему они отнесены къ Пушкину, и притомъ отдѣльно отъ оды, въ качествѣ особой пьесы. Э. А. Витбергъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (см. „Полежаевъ“) счелъ ихъ пьесой неизвѣстнаго автора на смерть Полежаева. Проф. Е. А. Бобровъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній („Извѣстія II Отдѣла И. Акад. Наукъ“, т. XII, 1907 г., кн. 2, стр. 449—450), пришелъ наконецъ („Пушкинъ и его современники“ V, 91) къ выводу, граничащему съ дѣйствительностью, что данное семистишіе— „только заключеніе цѣлаго большого стихотворенія“. Отрывки весьма странныхъ и нескладныхъ „строфъ“ на смерть Пушкина, приписывавшихся Полежаеву, сообщилъ проф. И. А. Шляпкинъ („Русс. Библиофиль“ 1913 г. № 3, стр. 95).

На заглавномъ листкѣ „Урны“ цензоръ начерталъ: „всѣ эти стихи списаны съ тѣхъ, кои запрещены“. Оду на смерть Пушкина онъ встрѣтилъ такимъ образомъ какъ старую знакомку и не сталъ затруднять себя чтеніемъ и вымарываніемъ отдѣльныхъ мѣстъ: 15 апрѣля рукопись поступила на разсмотрѣніе, а 22-го уже была „причислена

¹⁾ Нынѣ оттуда передана въ музей Пушкинскаго Дома („Временникъ Пушкинскаго Дома“, II; Петроградъ, 1914, стр. VII).

къ числу запрещенныхъ". Можетъ быть, раньше самъ авторъ, или кто-нибудь другой при его жизни, дѣлалъ попытку провести оду въ печать, и это не удалось? Въ прошломъ году, немедленно послѣ смерти Пушкина цензоромъ было приказано обратить вниманіе на выраженія скорби въ отзывахъ о немъ и поддерживать въ нихъ „надлежащую умѣренность и тонъ приличія“. Восторженная оцѣнка Пушкина въ стихахъ Полежаева должна была смутить подготовленную извѣстнымъ образомъ цензуру. „Вѣнокъ“ могъ появиться въ печати лишь нѣсколько лѣтъ спустя, да и то съ большими урѣзками. Было отброшено все начало; пострадала характеристика Наполеона во II главѣ; цензура не могла согласиться, что Пушкинъ „глаголь всевышняго постигъ“, и не позволила ему „видѣть праведниковъ сны“, а только „неземные сны“, а соотвѣтственно и поэзіи его вѣдно было называться не „Божественной“ дѣвой, а „Тайнственной“ и т. под. Чтобы сгладить слѣды урѣзокъ, было сочтено необходимымъ кое-какіе стихи передѣлать, нѣкоторыя слова замѣнить другими. Вѣнокъ, принесенный Полежаевымъ на гробъ Пушкина, изрядно растрепался, и изъ него выпалъ не одинъ цвѣтокъ паэоса, но „Урна“ сохранила намъ ихъ всѣ.

Текстъ „Урны“ тоже, повидимому, не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, коихъ очень мало, и эта тетрадь даетъ намъ единственную полную редакцію, за которою слѣдующія изданія должны будутъ признавать преимущественное значеніе.

Въ примѣчаніяхъ указаны отличія ея отъ текста, даваемого изданіемъ Ефремова. По мнѣнію Ефремова, послѣдніе четыре стиха (озаглавленные „Утѣшеніе“), которыхъ не было въ его спискѣ, могли быть прибавлены впоследствии. Это довольно вѣроятно, судя по внутренней ихъ несвязанности со всей одой, которую они, быть можетъ, должны были провести чрезъ цензуру; въ „Урнѣ“, надо замѣтить, они отдѣлены отъ оды линейкой и не номерованы, какъ въ изданіи Ефремова, гдѣ стоятъ подъ цифрой (VI), внѣшне объединяющей ихъ съ предыдущими строфами.

Н. Лернеръ.

„ВѢНОКЪ НА ГРОБЪ ПУШКИНА“.

I.

Эпоха! Годъ неблагодарной!
 Россія, плачь! лишилась ты
 Одной прекрасной, лучезарной,
 Одной брильянтовой звѣзды!

На торжествѣ великой жизни
 Угасъ для міра и отчизны
 Царь сладкихъ пѣсенъ, геній лиръ!
 Съ лица земли, шумя крылами,
 Сошелъ, увѣнчанный цвѣтами,
 Народной гордости кумиръ!

И поэтическія вѣжды
 Сомкнула грозная стрѣла
 Тогда, какъ свѣтлыя надежды
 Вились вокругъ его чела.
 О, плачь, Россія, долго плачь! ¹⁾

Давно ль тебя изъ нѣдръ пустыни полудикой²⁾.
 Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
 Какъ дѣву робкую, на тронъ?
 Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья,
 Съ улыбкою отца любви и ободренья ³⁾,
 Твой полунощный ⁴⁾ небосклонъ?
 Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
 Онъ новые создалъ великіе народы,
 Ихъ въ ризы новыя облекъ.
 И ярко засіялъ надъ царскими орлами,
 Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
 Младой поэзіи вѣнокъ.

¹⁾ Первыхъ 15 стиховъ нѣтъ.

²⁾ Давно ль тебя. о Русь, изъ нѣдръ пустыни дикой.

³⁾ Одобренья...

⁴⁾ Полунощный..

Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
 Возникли: старина, грядущіе потомки,
 И Кантемиръ, и Теофанъ;
 И, наконецъ, во дни величія и мира,
 Вагремѣла и твоя божественная ¹⁾ лира,
 Нашъ Холмогорскій Великанъ! ²⁾
 И что за лира: жизнь! Ея златыя струны
 Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
 Стократъ великаго Царя,
 И кроткія твои дѣла, Елисавета!
 И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта
 Подъ смѣлой дланью рыбаля!
 Открылась для ума невѣдомая сфера;
 Въ младенческихъ душахъ зиждительная вѣра ³⁾
 Во все прекрасное зажглась ⁴⁾;
 И счастья заря роскошно и привѣтно
 До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной
 Отъ водъ Балтійскихъ разлилась.
 Посѣяли тогда изящныя искусства
 Въ груди богатырей возвышенныя чувства;
 Окрѣпъ полміра властелинъ,
 И обрели его, въ воинственной державѣ,
 Безсмертію вѣковъ и незакатной ⁵⁾ славѣ—
 Петровъ, Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимой
 Сынъ революцїи ⁶⁾, Бонапартъ,
 Вознесъ рукой непобѣдимой
 Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
 Когда подъ сѣнь его эгиды
 Склонились рѣдко пирамиды
 И Рима купольъ золотой;
 Когда смущенная Европа
 Въ волнахъ кроваваго потопа
 Страдала подъ его пятой;

¹⁾ торжественная...

²⁾ холмогорскій великанъ...

³⁾ Этого стиха нѣтъ, имъ замѣненъ рядъ точекъ.

⁴⁾ Любовь къ прекрасному зажглась.

⁵⁾ Въ „Урнѣ“ вмѣсто „и незакатной“—„незакатимой“, во старыя варианты внушаетъ больше довѣрія.

⁶⁾ революціей...

Когда отважный, внѣ законовъ,
 Какъ повелительное зло,
 Онъ діадимою Бурбоновъ
 Украсилъ дерзкое чело;
 Когда, летая надъ землею,
 Его орлы, какъ будто мглою,
 Мрачили день и небеса;
 Когда мужъ пагубы и Рока
 Устами грознаго пророка
 Вѣщалъ вселенной чудеса ¹⁾;
 Когда воинственные хоры
 И гимны звучные пѣвцовъ
 Ему читали приговоры
 И одобренія вѣковъ,
 И въ этомъ гулѣ осужденій,
 Хулы, вражды, благословеній
 Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
 Неукротимый и избранный,
 Подъ небомъ Англїи туманной,
 Твой дивный голосъ, о Байронъ!—
 Тогда, когда въ садахъ Лицея,
 Какъ юный русскій соловей,
 Весенней жизнью пламенѣя,
 Расцвѣлъ нашъ дивный корифей;
 И гармоническіе звуки
 Его младенческія руки
 Умѣли рано исторгать.
 Шутя перомъ, играя съ лирой,
 Онъ Оссіановой порфирой
 Хотѣлъ, казалось, обладать;
 Онъ росъ, какъ пальма молодая
 На Іорданскихъ берегахъ,
 Главу высокую скрывая
 Въ ему знакомыхъ облакахъ;
 И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
 Онъ понялъ тайну вдохновеній,
 Глаголь Всевышняго постигъ ²⁾,
 Возсталъ, какъ новая стихія,
 Могучъ, и славенъ, и великъ,—
 И изумленная Россія
 Узнала гордый свой языкъ.

¹⁾ Этихъ трехъ стиховъ („Когда мужъ...—... вселенной чудеса“) нѣтъ.

²⁾ Этого стиха нѣтъ.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ его ¹⁾ внимало;
 Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
 Своей Поэзіи нагой.
 Невинна и смѣла, Божественная ²⁾ дѣва
 Отважному ему позволила безъ гнѣва
 Себя обвить его рукой;
 И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
 По лаковымъ паркѣ блистательнаго круга,
 Временщиковъ ³⁾, князей, вельможъ;
 Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ,
 И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
 Мѣняя истину на ложь;
 Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
 Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
 Была въ тоскѣ, и на пирахъ;
 И вмѣстѣ пронеслась, какъ бурная зараза,
 Надъ грозной высотой мятежнаго Кавказа
 И Крыма знойнаго въ степяхъ! ⁴⁾
 И никогда, нигдѣ его не покидала;
 Какъ милое дитя, задумчиво играла
 Или волной его кудрей,
 Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
 Любила украшать небрежными перстами
 Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.
 И были времена: унылый и печальной,
 Прощался иногда онъ съ музой геніальной,
 Искалъ покоя, тишины.
 Но и тогда, какъ духъ, приникнувъ къ изголовью,
 Она его душѣ съ небесною любовью ⁵⁾
 Дарила праведниковъ ⁶⁾ сны.
 Когда же, утомясь ⁷⁾ минутнымъ упоеньемъ,
 Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденьемъ,
 Всегда юна, всегда свѣтла,

1) него...

2) таинственная...

3) въ дворцахъ царя...

4) этихъ трехъ стиховъ („И вмѣстѣ пронеслась...—... въ степяхъ“)
нѣтъ.

5) Она ему съ своей небесною любовью...

6) неземные...

7) Въ „Урнѣ“ не „утомясь“, а „упоясь“, но прежній вариантъ кажется предпочтительнѣе.

Красавица земли, она смыкала очи,—
 То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракѣ ночи
 Для ней рука его рвала.
 И въ эти времена невидимая Кліо
 Слетала къ своему любимцу горделиво
 Съ скрижалю давнею ¹⁾ вѣковъ;
 И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
 И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
 Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
 Величавый, благородный,
 Какъ широкій океанъ,
 И могущій ²⁾, и свободный,
 Какъ суровый ураганъ?
 Отчего же голосъ звучный,
 Голосъ съ славой неразлучный,
 Своенравный и живой,
 Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
 Полумертвою ³⁾ душой;
 Не владѣетъ нашей думой ⁴⁾,
 То отрадной, то угрюмой,
 По внушенью твоему?
 Не всегда ли безотчетно,
 Добровольно и охотно
 Покорались мы ему!..

О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
 Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
 Земфиры, Невскихъ береговъ,
 Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ!
 Ты мчалъ насъ, уносилъ по лику ⁵⁾ водъ мятежныхъ
 Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ.

¹⁾ Съ правдивой повѣстью...

²⁾ И могучій...

³⁾ Охлаждѣлоу...

⁴⁾ Въ „Уривѣ“ этотъ стихъ пропущенъ.

⁵⁾ лону...

Какъ будто усыплялъ ихъ ропоть граціозный,
 Какъ будто оживлялъ мечтой религіозной
 Давно почившихъ мертвецовъ ¹⁾.
 И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
 Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
 Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ.
 Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,—
 И вдругъ, поражена ²⁾ невольнымъ содроганьемъ,
 Россія мрачная въ слезахъ ³⁾.
 Высоко надъ главою Поэзіи ⁴⁾ печальной
 Вознесся не вѣнокъ... но факель погребальной,
 И Пушкинъ—трупъ! и Пушкинъ—прахъ!
 Онъ прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробудимый!
 Угасъ, и навсегда, миллионами любимый,
 Державы Сѣверной ⁵⁾ Баянъ!
 Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды,
 И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
 Разсѣя вѣчности туманъ.

V.

Гимнъ смерти.

„Совершилось: дивный геній,—
 Совершилось: славный мужъ
 Незабвенныхъ пѣснопѣній
 Отлетѣлъ въ страну видѣній,
 Съ лона жизни въ царство душъ.
 Пиръ унылый и послѣдній
 Онъ окончилъ на землѣ;
 Но, безчувственный и блѣдный,
 Носить онъ вѣнокъ побѣдный
 На возвышенномъ челѣ.
 О, взгляните, какъ свободно
 Это гордое чело!
 Какъ оно въ толпѣ народной
 Величаво, благородно
 Новой жизнью расцвѣло!

¹⁾ Этыхъ трехъ стиховъ („Какъ будто усыплялъ...—...мертвецовъ“) вѣтъ.

²⁾ И вдругъ поражены...

³⁾ И душу намъ наполнилъ страхъ.

⁴⁾ поэзія...

⁵⁾ сѣверной...

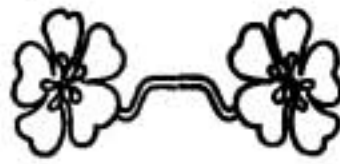
Если гибельнымъ размахомъ
 Безпощадная коса
 Незнакомаго со страхомъ
 Уравнять умѣла съ прахомъ,—
 То узрѣлъ онъ небеса.
 Тамъ, подъ свѣію Благова,
 Милосерднаго Творца,
 Безъ печальнаго покрова
 Встрѣтятъ жителя земного,
 Знаменитаго пѣвца.
 И святое Провидѣнье
 Слово мира изречетъ;
 И небесное прощенье,
 Какъ земли благословенье,
 На главу его сойдетъ.

Тогда, какъ духъ безплотный, величавой,
 Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
 Увидитъ яркій, свѣтлый день;
 И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
 Мильонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
 Его торжественная тѣнь;
 И окружить ее надъ облаками
 Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
 Необозримый легіонъ—
 Петрарка, Тассъ, Шенье, добыча казни,
 И руку ей, съ улыбкою пріязни,
 Подастъ задумчивый Байронъ.
 И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
 Оплакали тебя и старыи, и молодой,
 И совершили долгъ послѣдній и священный,
 Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
 И, блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
 Поэзія груститъ надъ урною твоей,—
 Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый¹⁾, славы жадной,
 О Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней.
 Душистые вѣнки великіе поэты
 Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
 Но вѣрю я: и мой въ волнахъ суровой Леты,
 Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ,—
 На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
 Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ...“

¹⁾ Въ „Урнѣ“— „юный“, но „смѣлый“ намъ кажется умѣстнѣе и обличаетъ, быть можетъ, авторскую поправку.

Утѣшеніе.

Надъ лирою твоей, разбитою, но славной.
Зажглася и горить прекрасная заря ¹⁾;
Она облечена порфиромъ ²⁾ державной
Великодушнаго Царя.

¹⁾ звѣзда..-

²⁾ щедротою.